

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 502/504:001.8 (430)

Вититнев С.Ф., Абрамов А.В., Козьякова Н.С.
Московский государственный областной университет

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ «ЗЕЛЁНЫХ» В ФРГ

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания экофилософского учения партии «зелёных» в Германии. Авторы рассматривают представленные в нём положения относительно возможностей и перспектив перехода к модели социального развития, позволяющей преодолеть существующий конфликт между человеком и природой. Будущее человечества находится в прямой зависимости от его способности изменить характер духовно-практического отношения к природе. Однако призывая заключить мир с природой, экофилософы подчас не учитывают специфику социальной адаптации применительно к окружающей среде. Особое внимание уделяется пониманию «зелёными» теоретиками сущности человека и его взаимоотношений с природой.

Ключевые слова: «зелёные», экофилософия, защита и сохранение окружающей среды, общество постиндустриального типа.

S. Vititnev, A. Abramov, N. Kozyakova
Moscow State Regional University

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE GREENS' POLITICAL IDEOLOGY IN GERMANY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the eco-philosophical teaching of the German Green Party. The authors consider these provisions regarding the opportunities and prospects for transition to the model of social development, allowing of overcoming the existing conflict between man and nature. The future of humanity is in a direct dependence on its ability to change the nature of spiritual and practical attitude to nature. However, calling to making peace with nature, eco-philosophers sometimes do not take into account the specificity of social adaptation

© Вититнев С.Ф., Абрамов А.В., Козьякова Н.С., 2014.

in relation to the environment. The article focuses on the Green theorists' understanding of the essence of human and its relationship with nature.

Key words: the Greens, eco-philosophy, protection and preservation of environment, postindustrial society.

Вопрос о том, какими мировоззренческими установками должно руководствоваться человечество, преобразуя окружающий его мир, обретает в настоящие дни всё большую остроту. Динамичное развитие индустриального производства, основой которого служат возникшие на волне научно-технической революции технологии, своим следствием имеет не только производство материальных благ, способных удовлетворять самые взыскательные потребности, но и катастрофическое разрушение окружающей среды, приобретающее очертания планетарного экологического кризиса.

Осознание происходящего заставляет миллионы людей во всём мире выступить с требованиями осуществления радикальных изменений во взаимоотношениях общества и природы.

Тенденцию изменения мировоззренческих установок современных граждан одним из первых отметил американский исследователь Р. Инглхарт. В своей теории «бесшумной революции» Инглхарт констатировал постепенное утверждение в общественном сознании постматериальных ценностей: «Становление передового индустриального общества ведёт ещё к одному совершенно особому сдвигу в базовых ценностях – когда уменьшается значение характерной для индустриального общества инструментальной рациональности. Преобладающими становятся ценности постмодерна, неся с собой ряд разнообразных социетальных перемен, от

равноправия женщин до демократических политических институтов и упадка государственно-социалистических режимов» [2].

К числу ценностей постмодерна, без сомнения, относится и озабоченность экологической проблемой. Несмотря на то, что негативное влияние человека на природу наблюдалось начиная с эпохи промышленной революции, в центр внимания экологические вопросы попали только во второй половине XX века. Именно в этот период возникают массовые экологические движения, ставящие своей целью защитить природу от разрушительного для неё воздействия современной цивилизации, условием чего должен стать переход к качественно иной модели общественного развития, во многом сопряжённый с изменением мировоззренческих установок, представленных в массовом сознании.

Одними из первых вопрос о роли духовного фактора в преодолении конфликта между человеком и природой подняли участники экологического движения в ФРГ, стране, где «зелёные» (так они сами себя называют) смогли не только заявить о себе как о последовательных и решительных защитниках окружающей среды, но и серьёзных мыслителях, предпринявших попытку разработать философское учение, лежащее в основе их мировоззрения, составляющее ядро их политической идеологии.

При этом экофилософы отнюдь не склонны постоянно пребывать в мире

высоких абстракций. Не забывая о необходимости таковых, они делают предмет своего анализа вполне конкретные, чаще – наиболее болезненные, вопросы жизни общества, в первую очередь касающиеся защиты и сохранения окружающей среды, требуют положить конец формам социального бытия, несущим непосредственную угрозу не только для природы, но и для человека, обосновывают необходимость утверждения новых, более совершенных моделей общественно-политического развития.

И хотя философское учение «зелёных» нельзя рассматривать как полностью сложившуюся систему теоретического знания или качественно новую ступень в развитии человеческого духа, оно содержит ряд достаточно оригинальных, логически аргументированных, имеющих актуальное звучание положений, в смысловом и проблемном отношении связанных с теми, что традиционно были предметом философского анализа.

Как пишет известный теоретик «зелёного» движения В.-Д. Хазенклевер, назначение экофилософии – осмыслить противоречия человеческого бытия сквозь призму взаимоотношений общества и природы, взяв за основу идеи экологизма, гуманизма и материализма [12, с. 46]. Исходя из этого, он и его единомышленники выдвинули концепцию экологического гуманизма, одну из центральных в экофилософии, согласно которой защита и сохранение окружающей среды – важнейшая задача, стоящая перед человечеством, поскольку от её решения зависит его судьба не только как социального существа, но и биологического вида. Именно поэтому «зелёные» утвержда-

ют, что экологию следует рассматривать в качестве одного из наиболее значимых факторов, определяющих состояние всех системообразующих элементов общества.

Что же касается экологического гуманизма, то он призван выявить и обосновать «истинные» принципы познания и отношения человека к окружающему его миру, тем самым преодолевая слабые стороны и пороки имеющих место философских систем. Главным из этих пороков является теоретическое оправдание идеи антропоцентризма, присутствующей в содержании большинства философских учений и непосредственно связанной с природоразрушительной деятельностью человека, самонадеянно считающего себя «мерой всех вещей».

Это определение человека, в представлении «зелёных» авторов, преимущественно консервативной ориентации, – всего лишь ложная «европейская сентенция». В противовес следует руководствоваться мыслью, представленной в учении даосов, согласно которой «мир принадлежит не одному виду, а всему сущему» [3, с. 16]. Так, по утверждению К. Амери, человек не занимает особого места в системе природных отношений и не имеет права ставить себя в центр мироздания, но при этом проявляет себя как беспощадный хищник, стремящийся покорить природу, безжалостно истребляющий всё живое [4, с. 14].

Устремлённость человека к тотальному господству, заявляет К. Амери, во многом определяется присутствием в общественном сознании ценностных ориентаций и поведенческих установок, предполагающих присвоение и обладание всё новыми материальными

благами, что подкрепляется формированием с помощью рекламы искусственных потребностей [5, с. 53].

Эту точку зрения разделяет К.-М. Майер-Абих, по мнению которого стремление человечества обрести максимум материальных благ, опираясь на достижения научно-технического прогресса, обернулось бесконтрольным потреблением природных ресурсов, что губительно не только для природы, но и для здоровья людей, а также создаёт серьёзные проблемы в экономической сфере [14, с. 62–63]. Функционирование же последней подчинено идее прогресса ради прогресса, практическим воплощением чего выступают атомная энергетика, генная инженерия, отравление отходами химического производства окружающей среды.

Безостановочный экономический рост, индустриальный гигантизм, подчёркивает В. Хайдт, создают условия для возникновения и дальнейшего углубления экологического кризиса [11, с. 83]. Развивая эту тему, М. Марен-Гризенбах пишет, что с позиций экофилософии мир можно рассматривать в качестве глобальной кибернетической системы, изначально находившейся в состоянии динамического равновесия, а экологический кризис – как следствие его нарушения, связанного с различными формами деятельности людей, характерными для индустриального общества [14, с. 62–63].

Следует отметить, что поднимая вопрос о причинах экологического кризиса, разработчики концепции экогуманизма в своих размышлениях подчас обнаруживают отсутствие строгой логики в сочетании с пере-

ходом, вопреки изначальным декларациям, на позицию объективного или субъективного идеализма. Так, выдвинув тезис о пагубности последствий хозяйственной деятельности, осуществляемой в условиях индустриальной цивилизации, некоторые из них сбиваются на критику идеологии индустриализма, давая неоправданно завышенную оценку значимости мировоззренческих, идеальных причин экологического кризиса, вторичных по своему происхождению и производных от условий социального бытия в его материальном измерении. Анализ же этих условий на проверку оказывается недостаточно глубоким, поскольку ограничивается установлением зависимости между ростом индустриального производства (производительных сил) и глубиной экологического кризиса, оставляя в стороне вопрос о характере производственных отношений.

Подобный подход приводит экологов к выводу, что противодействие наступлению экологического кризиса, решение острых проблем во взаимоотношениях человеческого общества и природы наряду с изменением ценностных ориентаций, представленных в массовом сознании, предполагает, в первую очередь, изменение отраслевой структуры экономики, снижение темпов её роста (вплоть до полной остановки), а также активное развёртывание природоохранительной деятельности. Однако при всей значимости вышеназванных мероприятий, за скобками остаётся вопрос о роли социальных факторов, определяющих сложившуюся практику природопользования, а посему начинает представлять в отрыве от

системы общественных отношений в качестве внеположенного феномена, обладающего способностью как бы самостоятельно определять судьбу человечества, независимо от организации жизни социума.

Соответствующая установка вписывается в дискурс некогда популярной теории географического детерминизма, одним из наиболее ярких сторонников которой был Ш. Монтескье, считавший, что именно природно-географические условия существования общества задают ему ключевые характеристики. Но если применительно к XVIII в. такой теоретико-методологический посыл знаменовал собой тенденцию к отходу от постулатов философии идеализма, то применительно к современной эпохе речь идёт о движении в противоположном направлении.

На непонимание экогуманистами принципов философского материализма обращают внимание многие исследователи «зелёного» движения. Так, касаясь других аспектов экогуманистического учения, по замечанию Э. Беккера, присутствующее в нём представление о природе как о некоем гигантском механизме, знание законов функционирования которого должно лечь в основу социального управления, следует рассматривать как дань картезианству и социальному биологизму [5, с. 116].

Влияние последнего обнаруживается в воззрениях экогуманистов по вопросу относительно сущности взаимоотношений человека с природой. Призывая к их радикальному изменению, они упускают из вида, что, в отличие от животных, приспособляющихся к окружающей среде путём

биологической эволюции на основе механизмов естественного отбора, человек посредством орудийной деятельности стремится преобразовать природу, придать ей новое качество, приспособить для удовлетворения своих потребностей. Поэтому развитие человеческого общества своим следствием всегда имеет рост антропогенного воздействия на окружающую среду, опредмечивание последней в процессе труда. Другой вопрос: согласуются ли формы этого воздействия с законами бытия живой и неживой природы, обязательно ли его следствием должен быть экологический кризис? Решение этого вопроса требует конкретного анализа системы социально-экономических отношений, задающих цели человеческой деятельности, заставляющих людей выбирать те или иные средства своего воздействия на природу. Кроме того, отказ ряда «зелёных авторов» из числа экогуманистов рассматривать человека в качестве высшей ценности, определяющей смысл и значение всего сущего, фактическое отрицание того факта, что человек стоит на высшей ступени эволюционной лестницы, и, как следствие, уравнивание его с другими биологическими видами, наглядно демонстрирует односторонность понимания сущности гуманизма как типа мировоззрения.

Более последовательны в своих выводах «зелёные» авторы левой ориентации. Так, говоря об идейных установках, определяющих отношение человека к природе в современном обществе, как факторе ухудшения экологической ситуации, они связывают их формирование с «индустриально-буржуазным» способом производства.

Это значит, что капитализм, с присущей ему частной собственностью на средства производства и жадной обогатительной, выступает как главный виновник экологического кризиса. Однако, господство частной собственности ведёт не только к разрушению окружающей среды, но и к социальному и духовному порабощению человека, его тотальному отчуждению от других людей, природы, духовных ценностей, торжеству идеологии технического прогресса [15, с. 263]. Отмечая естественное происхождение человеческих потребностей, Т. Эберман и Р. Трамперт указывают, что капитализм в погоне за прибылью деформирует их, заставляя, таким образом, людей приобретать массу ненужных или вредных вещей [6, с. 264].

Во взглядах левых экологов очевидно влияние Франкфуртской школы неомарксизма. Прежде всего работы («Диалектика просвещения») Т. Адорно и М. Хоркхаймера, трактующих историю человечества как процесс углубляющегося безумия, выражающегося в отчуждении разума, стремящегося подчинить себе природу [1].

Следует отметить, что, несмотря на заметную разницу теоретико-методологических подходов, экологи-соффы всех оттенков и направлений едины в убеждении о необходимости изменения духовно-практического отношения человека к природе. Так, по убеждению К. Амери, речь необходимо вести о развитии у человека духовно-эстетического начала, что позволит ему стать творцом нового мира, окружить себя красивыми, полезными и долговечными вещами [4, с. 14]. Помимо этого, источником подлинной духовности должна стать

религия, призванная воспитать в человеке способность восхищаться и бережно относиться к природе как воплощению божественной креации [3, с. 16]. Эту мысль разделяет Д. Флиннер, писавший, что христианство рассматривает человека как одно из прочих божьих творений, тем самым способствуя формированию у верующих ощущения единства и связи всего сущего [8, с. 79].

Такого рода оценки христианства свойственны далеко не всем экофилозофам. Многие из них связывают отвергаемый антропологизм с «иудео-христианской традицией» противопоставления духа телу, породившей убеждённости в наличии божественного предопределения относительно господства человека над землёй и животным миром.

В результате упомянутые выше экологи-соффы, размышляя о способности религии стать действенным инструментом в формировании экологически ориентированной человеческой личности, отдают свои симпатии различным восточным культам, либо приходят к выводу о необходимости соединения религии и науки. По их мнению, подобный синтез положит конец имеющему место делению на субъект и объект познания, рациональное и чувственное, вследствие чего человек обретёт возможность духовно и практически преодолеть отчуждение от природы, достигнуть подлинного единства с ней. В этом плане весьма показательным является заявление М. Марен-Гризенбах о том, что экофилософия должна стать монистической религией природы, вследствие чего будут размыты границы между естественными и гуманитарными науками [13, с. 7].

Между тем такого рода пассажи не дают основания считать теологию базисом философских воззрений «зелёных», среди которых большинство составляют представители интеллигенции, склонные уже в силу своей профессиональной деятельности полагаться не столько на веру, сколько на знание, а потому отдавать предпочтение теоретическим конструкциям, выдержанным в духе сциентизма. При этом для консервативно ориентированных экофилософов наряду с признанием значения науки в решении многих задач, стоящих перед человечеством, характерно достаточно настороженное отношение к ней. Так, по их мнению, определённые научные открытия потенциально несут большую угрозу для всего живого, а неспособные понять это широкие слои населения ждут от науки «новых чудес», открывающих возможность неограниченного материального обладания и потребления [9, с. 23].

В целом же «зелёные» теоретики (если характеризовать умонастроения всего экофилософского сообщества), признавая наличие такого рода угроз, придерживаются позиции, согласно которой распространение и повсеместное применение научных знаний позволит преодолеть конфликт между человеком и природой. При этом из всех научных дисциплин особая роль отводится экофилософии, которая призвана помочь человеку осознать его истинное место в мире, вооружая знанием относительно возможности и перспектив осуществляемой им природопреобразующей деятельности [6, с. 222].

Исходя из этого, «зелёные» мыслители стремятся вовлечь в сферу своих исследований проблемы, составляю-

щие содержание, в первую очередь, предмета социально-политической философии, этики, эстетики, футурологии и т.д., связанные с экологической тематикой не только прямо, но и опосредованно, что указывает на достаточно большие познавательные возможности экофилософского учения, а также на его способность теоретически обосновывать необходимость отказа от всех форм социальной практики, предполагающих утверждение во взаимоотношениях не только людей, но и государств, первенства и эксплуатации, торжество индивидуального и группового эгоизма.

Так, выступая с критикой безудержного потребительства, экофилософы приходят к выводу о необходимости установления более справедливых отношений со странами «третьего мира», поскольку отсутствие таковых во многом определяет материальное благополучие стран Запада и задаёт неоправданно высокие потребительские притязания проживающего там населения. При этом они допускают возможность возникновения ситуации, когда придётся пойти на определённое снижение уровня жизни в странах так называемого «золотого миллиарда», отказываясь от идеи экономической рациональности в пользу «культурного» возвращения к природе [1, с. 60].

Выдвигая идею относительно утверждения и научного обоснования новых принципов взаимоотношений человека и природы, «зелёные» авторы всех направлений исходят из того, что это является необходимым условием становления новой модели общественного развития. Согласно прогнозу В.-Д. Хазенклевер, в обществе будущего утвердятся традиционные женские

ценности: мягкость, терпение, жертвенность, трепетное отношение к жизни, это станет залогом гармонизации не только отношений людей с природой, но и друг с другом в социальном и межличностном плане [10, с. 46]. Одновременно утратят своё значение такие сугубо «мужские» понятия, как «превосходство» и «господство», определявшие содержание ценностных ориентаций прошлого [10, с. 47].

Касясь вопроса о специфике грядущего социально-экономического устройства, все экофилософы исходят из того, что она будет определяться переходом от индустриального к постиндустриальному способу производства, характеризуемому изменением структуры и характера функционирования производительных сил. При этом представители правого течения в экологическом движении склонны признавать целесообразность сохранения рыночных отношений и частной собственности на средства производства. Фактически проблема преодоления индустриального способа производства ими рассматривается только в технико-технологическом аспекте, что определяется осознанным или неосознанным игнорированием (что отмечается выше) диалектической связи между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, экономическим базисом и духовно-политической надстройкой.

Что же касается левых экофилософов, то они, указывая на современные кризисные тенденции, присущие западному обществу в различных сферах его жизнедеятельности, делают вывод о завершении эпохи индустриализма, на смену которой идут иные

времена, связанные со становлением новой общественной формации, определяемой ими понятием *экологический социализм*.

По выражению О. Флетхайма, экологический социализм – это гуманистическое, постиндустриальное общество, радикально отличающееся от всех предшествующих форм социальной организации [7, с. 154]. Его утверждение, в конечном счёте, произойдёт в континентальном или общепланетарном масштабе в форме ненасильственной революции, отвергающей авторитарный коллективизм, оппортунистический реформизм и экстремизм, но опирающийся на лучшие традиции либерализма, радикализма и анархизма [7, с. 118].

Экосоциалистическое общество будет основываться на общественной собственности на средства производства, а его основными хозяйственными единицами станут децентрализованные самоуправляемые предприятия, свободные от внутренней иерархии. Неотъемлемой чертой повседневной жизни станет высокая степень солидарности между людьми, откроются возможности для их всесторонней творческой самореализации. Труд приобретёт ненаёмный характер и, находясь вне отношений экономической конкуренции, выступит непременным условием гармоничного развития личности. Осуществляя трудовую деятельность, человек перестанет руководствоваться стремлением удовлетворить только свои материальные потребности. На первое место выйдут эстетическая и моральная стороны, что явится следствием формирования у большинства граждан так называемых радикальных потребностей, ориентированных на

творчество, коллективизм, наслаждение природой [6, с. 153].

Отличительными чертами постиндустриального способа производства будут ориентация экономики на создание потребительных, а не покупательных стоимостей, замещение рыночных механизмов плановыми, применение экологические безвредных технологий. В политической же сфере система общественного самоуправления со временем заменит государство в отправлении распорядительно-управленческих функций.

Беря на вооружение диалектический метод исследования, левые экофилософы поднимают вопрос о наличии в системе индустриального общества глубинных противоречий, разрешение которых своим следствием будет иметь становление постиндустриальной экосоциалистической формации.

Однако, по их убеждению, выявленное К. Марксом возникающее в ходе поступательного развития общества противоречие между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений в новых исторических условиях утратило былое значение, и его разрешение не сопряжено с «крахом капиталистического производства и подъёмом пролетарской борьбы». Как отмечает О. Ульрих, на первый план выступают, во-первых, противоречие между изжившей себя индустриальной системой и необходимостью утверждения нового способа производства, целью которого будет сохранение основ жизни, а во-вторых, противоречие между потребностями индустриальной системы и целями свободно ассоциированных индивидов [16, с. 97–99].

Обращаясь к вопросу, какая социальная группа выступает носителем нового способа производства (значит, может рассматриваться в качестве потенциального субъекта грядущих радикальных изменений общественного устройства), левые экофилософы уходят от постулатов классического марксизма, и в духе неомарксизма Франкфуртской школы отказываются рассматривать современный пролетариат как революционный класс в силу его инкорпорированности в современное потребительское общество. Для этой роли, с учётом современного характера общественных противоречий, с их точки зрения, больше подходят участники новых социальных движений, в первую очередь, молодёжь, способная раздвинуть границы традиционного мышления, создав новые «радикальные» потребности.

Так, по утверждению А. Фольмер, рабочие организации не отреагировали на то, что наиболее значимые проблемы современности определяются масштабами экологического кризиса и нарастанием дефицита демократии, а потому обрести политическое влияние смогут, только найдя союзников в лице новых социальных движений, в первую очередь – женского и экологического [17, с. 14].

Присутствующее в этих суждениях смешение вопросов о классовой и организационной принадлежности определяется фактическим отказом левых экофилософов от идеи, согласно которой политические установки, разделяемые представителями той или иной социальной группы, детерминируются базовыми для неё социально-экономическими интересами. В результате среди этой части «зелёных» теоретиков

получает распространение во многом иллюзорная установка, что сторонников и противников провозглашаемых ими «радикальных» преобразований чуть ли не в равной пропорции можно обнаружить на всех ступенях социальной лестницы, поскольку принадлежность к тому или другому лагерю определяется способностью человека осознать пагубность индустриализма для жизни общества.

Таких достаточно спорных положений в экофилософском учении «зелёных» немало. В самом деле, намерения его создателей преодолеть «слабости» всех прочих философских систем и направлений, выливающиеся в метания между идеализмом и материализмом, абсолютизация детерминирующей роли природного фактора в жизни общества, преувеличение значения духовной составляющей во взаимоотношениях человека и природы, отсутствие внятных ответов относительно того, какой социальный субъект в состоянии выступить в качестве носителя постиндустриального способа производства, обеспечив практическое создание принципиально новых форм социально-экономической и политической организации, не позволяют рассматривать экофилософское учение «зелёных» как целостную, законченную, логически безупречную, теоретическую конструкцию. Во многом это объясняется тем, что экофилософия в настоящий момент находится в состоянии становления. Нельзя забывать и того, что она выступает не как академическая дисциплина, излагаемая в университетских аудиториях.

Экофилософия является ядром, идеологическим стержнем мировоззрения политической партии, при-

держивающейся принципов идеологического плюрализма, борющейся за власть и стремящейся привлечь в свои ряды новых членов, заручиться поддержкой максимально большого числа сторонников. Всё это налагает на теоретические конструкции «зелёных» некоторый отпечаток эклектики и даже популизм в сочетании с так называемыми добросовестными заблуждениями. Но самое главное заключается в том, что «зелёное» движение вобрало в себя представителей различных социальных слоёв и групп, в первую очередь интеллигенции, со всеми присущими им социально-психологическими комплексами, мировоззренческими установками, ценностными ориентациями, спецификой восприятия политической реальности, что не могло не оказать влияния на идеологию «зелёных» и, в частности, на её важнейшую составляющую – экофилософию.

Такого рода эклектизм представляется вполне типичным для постмодернистской идеологии, ибо существование постматериальных ценностей, к каковым относится забота об экологической безопасности, не вытесняет и не исключает материалистические.

Однако, отмеченные выше слабости философского учения «зелёных» не должны заслонять его сильные стороны. Поднимая вопросы экологии и пытаясь осмыслить их в философских категориях, «зелёные» авторы смогли удержаться от того, чтобы превратить развиваемое ими учение в разновидность натурфилософии. От их внимания не ускользнули проблемы человеческого бытия, места человека в окружающем мире, сущего и должного в духовно-практическом

отношении человека к этому миру, ответственности человека перед всем живым на Земле. Решая их на теоретическом уровне, экофилософы в большинстве своём твёрдо стоят на гуманистических позициях, подчёркивая неразрывную связь человека и природы, аргументированно доказывая, что любые виды природоразрушительной деятельности пагубны и для самого человека. Не ограничиваясь констатацией этого факта, многие из них смогли увидеть зависимость между отношением человека к природе и теми отношениями, что определяют характер общественного устройства, указав на необходимость изменения тех и других, призывая к установлению более справедливого и разумного миропорядка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. – М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingelheart_Postmodern.pdf (дата обращения: 12.03.2014).
3. Amery C. Die Philosophischen Grundlagen und Konsequenzen der Alternativbewegung // Die Grunen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980.
4. Amery C. Natur als Politik: Die ökologische Chance des Menschen. – Reinbeck bei Hamburg, 1979.
5. Becker E. Natur als Politik? // Grune Politik: Eine Standartbestimmung. – Frankfurt a.M., 1984.
6. Ebermann T., Trampert R. Die Zukunft der Grunen: Ein realistische Konzept fur eine redikale Partei. – Hamburg, 1984.
7. Flechtheim O.-K. Ist die Zukunft noch zu retten? – Hamburg, 1987.
8. Flinner D. Die Erde ist des Herrn // Die Grunen und die Religion. – Frankfurt a.M., 1988.
9. Grul H. Der materielle Fortschritt und die Reduzierung der Menschlichkeit // Die Grunen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980.
10. Hasenkler W.-D. Ökologischer Humanismus// Die Grunen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980.
11. Heidt W. Die ökologische Krise als soziale Herausforderung // Die Grunen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980.
12. Jager M. Partiensystem und Machtstruktur // Die Grunen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980.
13. Maren-Grisienbach N. Philosophie des Grunen. – Munchen, Wien, 1982.
14. Meyer-Abich K.-M. Bedingungen des Friedens mit der Natur fur die wertschaftliche Entwicklung// Weltwirtschaftsprobleme Mitte der 80-er Jahre: Energie/ Technologie/ Umwelt. – Bonn, 1985.
15. Schwan M. Politische Spielraume. Oder: Feministinnen wird grune Politik zum Gerangel um Prozente // Grune Perspektiven. – Koln. – 1986.
16. Ulrich O. Weltniveau. – B., 1979.
17. Vollmer A. Die Karten der Macht werden uberall neu gemischt. Ehrfurcht vor der Kritischen Theorie ist dahin // Grunes und alternatives Jahrbuch 1986/87. Strategien der Grunen und ökologische Krise B., 1986.